

III. ПИСАТЕЛЬ.

Если въ исторіи рѣдко встрѣчаются примѣры, чтобы человѣкъ со столь рѣзко выраженнымъ социально-политическимъ и религіознымъ направлениемъ, какимъ отличался Платонъ въ продолженіе всей своей жизни, въ то же время являлся полноправнымъ гражданиномъ на чистыхъ высотахъ научнаго изслѣдованія и преподаванія и проявлялъ творческую энергію въ работѣ надъ отвлеченными понятіями, то еще болѣе удивительно, если тотъ же человѣкъ умѣлъ придать содержанію своихъ мыслей и желаній художественно законченную форму. Между тѣмъ именно въ этомъ заключается сокровеннѣйшій смыслъ произведеній Платона. Они—плоды поэтической фантазіи, въ которыхъ религіозно-политическіе идеалы и научныя мысли получили форму живыхъ образовъ и предстаютъ передъ нами какъ болѣе высокая, просвѣтленная дѣйствительность.

Поэтому въ произведеніяхъ Платона мы видимъ соответствующее его удивительной личности и не повторяющееся болѣе въ исторіи литературы сочетание такихъ признаковъ, которые обыкновенно исключаютъ другъ друга. Съ одной стороны, эти произведенія, разсматриваемыя въ цѣломъ, являются тенденціозными въ высшемъ смыслѣ этого слова: ихъ цѣль—проповѣдь новаго воззрѣнія на жизнь, новаго направленія жизни; съ другой стороны, они—научныя изслѣдованія высшаго рода: въ нихъ обсуждаются путемъ отчетливаго развитія понятій глубочайшія проблемы міропониманія; и въ то же

время они—художественныя произведенія несравненной красоты, поэмы, очаровывающія прелестью языка и стройностью внутренняго содержанія. Платонъ достигъ высшаго въ этомъ отношеніи: практическая и теоретическая сторона его существа соединяются въ эстетическомъ совершенствѣ. Въ художникѣ примиряются реформаторъ и мыслитель.

Въ этомъ смыслѣ его произведенія являются результатомъ одного изъ высшихъ видовъ дѣятельности человѣческаго разума. У большинства философовъ, какъ у Аристотеля, Спинозы, Юма, Канта, Гегеля, мы удивляемся главнымъ образомъ научному духу; у немногихъ, на примѣръ у Фихте и Канта, онъ соединяется съ пророческимъ паеосомъ, у другихъ, какъ у Декарта, Шеллинга и Шопенгауера—съ художественной красотой изложенія; соединеніе всѣхъ трехъ моментовъ мы встрѣчаемъ у одного только Платона.

Идеальной высоты въ этомъ расцвѣтѣ собственнаго существа Платонъ достигаетъ въ наиболѣе зрѣлыхъ своихъ произведеніяхъ, особенно въ «Государствѣ»; въ остальныхъ преобладаетъ, въ зависимости отъ причинъ и цѣлей, которыми они вызваны, тотъ или другой изъ указанныхъ моментовъ; но совокупность всего, что онъ далъ какъ писатель, снова производитъ впечатлѣніе полной ихъ гармоніи.

Въ этомъ заключается и причина того, что, обратившись къ болѣе тщательному изученію произведеній Платона, историки вначалѣ предположили, что совокупность всѣхъ его сочиненій слѣдуетъ разсматривать какъ задуманное и выполненное по опредѣленному плану цѣлое, причѣмъ иные (какъ Шлейермахеръ) видѣли общее назначеніе этого систематическаго цѣлаго въ дидактически послѣдовательномъ развитіи философской системы, съ самаго начала готовой въ основныхъ чертахъ, иные же (какъ Мункъ и другіе)—во всестороннемъ, законченномъ изображеніи личности Сократа.

За такой взглядъ на единство всѣхъ сочиненій

Платона какъ будто говоритъ прежде всего ихъ одинаковая форма. Всѣ они, за исключеніемъ «Аполлоин», гдѣ это было невозможно по существу, — діалоги. Но эта литературная форма нисколько не свойственна одному только Платону; она была очень распространеннымъ художественнымъ приемомъ, и въ Платонѣ мы не можемъ видѣть даже ея изобрѣтателя. Она была особенно принята въ томъ литературномъ кругу, который находился подъ сократовскимъ вліяніемъ, потому что, пользуясь ею, каждый непосредственно перенималъ ту манеру дѣйствовать и мыслить, которая составляла историческую особенность аттического мудреца.

Этимъ же обусловливается и то обстоятельство, что почти во всѣхъ платоновыхъ діалогахъ Сократъ является главнымъ лицомъ, которое руководитъ разговоромъ и въ уста котораго вкладываются важнейшіе выводы. Однако какъ роль діалогической формы, такъ и положеніе Сократа далеко не вездѣ одинаковы. Въ послѣднемъ произведеніи Платона, въ «Законахъ», Сократъ совершенно отсутствуетъ; но уже и въ обоихъ предшествующихъ сочиненіяхъ онъ появляется только во вступленіи, чтобы дать поводъ къ рѣчамъ «Тимея» и «Критія». Даже въ одномъ изъ болѣе раннихъ діалоговъ, въ «Протагорѣ», значеніе, свѣтъ и тѣнь болѣе или менѣе равномерно распределены между Сократомъ и его противникомъ. Довольно трудно предположить, чтобы Платонъ, если главной цѣлью его произведеній былъ «литературный портретъ» Сократа, сталъ для этого приписывать послѣднему всѣ тѣ ученія, которыя намъ извѣстны, какъ плоды не сократовой, но платоновой мысли, и происхожденіе которыхъ современникамъ, навѣрное, было извѣстно еще гораздо болѣе. Гораздо вѣроятнѣе, что Платонъ, какъ и другіе, напримѣръ Ксенофонтъ, хотѣлъ выразить тѣмъ положеніемъ, которое онъ придавалъ въ своихъ діалогахъ великому учителю, главнымъ образомъ ту мысль, что онъ считаетъ себя его истиннымъ

ученикомъ и свое ученіе — правильнымъ выполненіемъ его намѣреній. Вообще введеніе Сократа въ число дѣйствующихъ лицъ діалога было для него, съ литературной точки зрѣнія, не цѣлью, а средствомъ. Разумѣется, въ частностяхъ Платонъ руководился желаніемъ изобразить личность уважаемаго учителя въ ея чистомъ, высокомъ благородствѣ, освободить ее отъ искаженій, — и вѣрность ученика сказывается именно въ томъ, что это стремленіе проявляется не только въ его раннихъ, защитительныхъ произведеніяхъ, но съ такою же силой и въ отдѣленныхъ отъ нихъ цѣлыми десятилѣтіями величайшихъ твореніяхъ, какъ «Пиръ» и «Федонъ»; но и здѣсь проникнутое теплотой изображеніе личности Сократа переплетается съ изложеніемъ доктринъ, въ которыхъ Платонъ далеко опередилъ его. Главный интересъ представляетъ и здѣсь не личность, а суть дѣла, и искусство писателя заключается только въ томъ, чтобы личность изобразить какъ совершенное воплощеніе доктрины.

Что касается внутренняго единства въ сочиненіяхъ Платона, то здѣсь центромъ является, конечно, «ученіе объ идеяхъ»; одни діалоги болѣе или менѣе близко приводятъ къ этому ученію, въ другіяхъ оно излагается и обосновывается, въ третьихъ — распространяется и прилагается. При этомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы находимъ обѣщанія, впоследствии исполненныя, частью же, правда, и не исполненныя; съ другой стороны мы встрѣчаемъ намеки, которые можно понять только какъ указанія на предшествующія произведенія. Однако отсюда нельзя заключить, что всѣ эти произведенія написаны по одному заранее составленному плану, иначе мы должны были бы допустить очень искусственные и невѣроятныя предположенія. Литературная дѣятельность Платона началась, если не при жизни Сократа, то во всякомъ случаѣ вскорѣ послѣ его смерти, и не прекращалась до смерти самого Платона, т. е. продолжалась полныхъ пятьдесятъ лѣтъ. Трудно пред-

ставить себя, чтобы молодой философ, еще не достигнув тридцати лет и находясь всецело под влиянием Сократа, уже вполне выяснил себе основную мысль своей системы, и так-же трудно представить себе, что-бы он в течение цѣлаго полустолѣтія ничего существеннаго въ ней не измѣнилъ. И дѣйствительно, болѣе внимательное изученіе показываетъ, что его произведенія содержатъ глубокія различія въ пониманіи даже очень важныхъ пунктовъ, различія, которыя совершенно невозможно объяснить одною только разницей въ настроеніи и въ способѣ изложенія.

Гораздо болѣе естественнымъ является поэтому принятое со времени К. Ф. Германа и Грота воззрѣніе, по которому сочиненія Платона служатъ показателями его собственнаго духовнаго развитія, и связь между ними имѣетъ не систематически-дидактической, а исторической характеръ. Если такимъ образомъ каждый отдѣльный діалогъ слѣдуетъ разсматривать какъ самостоятельное задуманное художественное произведеніе и какъ выраженіе той фазы познаванія, въ которой находился, начиная его писать, самъ философъ, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ сочиненія, отдѣленные другъ отъ друга небольшими промежутками времени, все-таки имѣютъ болѣе тѣсную связь, и между ними существуютъ тѣ отношенія—ссылки на прошлое, указанія на будущее,—о которыхъ мы упоминали выше.

Только съ такой исторической точки зрѣнія можно оцѣнить по достоинству и художественный характеръ произведеній Платона. Его слѣдуетъ искать не въ искусственномъ построеніи цѣлаго, а въ живомъ выполненіи частностей. Въ этомъ отношеніи Платонъ сдержалъ свое слово: его письменная рѣчь есть художественное воспроизведеніе устной. Въ его діалогахъ мы должны видѣть поэтическое повтореніе событій научной жизни: это—умственные труды Академіи, результаты его изслѣдованій со своими товарищами и учениками—изслѣдо-

ваній, содержаніе которыхъ, имѣвшее болѣе, чѣмъ мимолетный интересъ, кристаллизуясь, получало форму свѣтлыхъ образовъ. Какъ истый художникъ, онъ облакалъ въ прочную форму и этимъ отдѣлялъ отъ себя то, что болѣе глубоко его захватывало. Такимъ образомъ каждое изъ его произведеній сдѣлалось его исповѣдью.

Мы лучше всего поймемъ ихъ, если предположимъ, что стремленіе къ художественному творчеству для каждаго своего проявленія получало особый толчокъ. Такими толчками могли служить частью литературныя явленія, частью же серьезные и отличавшіеся большою глубиною разговоры, которые лично, устно велись въ Академіи. Нѣкоторые изъ діалоговъ были, несомнѣнно, цѣликомъ или въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ вызваны несогласіемъ съ книгами противниковъ, современныхъ, или даже умершихъ. Это—эпизоды изъ «литературныхъ междоусобицъ», которыя велись въ такой эстетически-прекрасной формѣ, и въ которыхъ все-таки то тамъ, то здѣсь чувствуется сильный духъ научныхъ, религіозныхъ и этическихъ разногласій. Это относится главнымъ образомъ къ юношескимъ произведеніямъ, но частью и къ позднѣйшимъ. Въ послѣднихъ мы часто замѣчаемъ и иного рода поводы, вызвавшіе ихъ къ жизни: въ нихъ виденъ процессъ ассимиляціи, которымъ Академія преобразовывала первоначальное ученіе объ идеяхъ, принимая болѣе старыя метафизическіе принципы или считаясь съ новыми изслѣдованіями. Такимъ образомъ постепенно выясняется ея отношеніе къ философскимъ системамъ Анаксагора и Пифагора, къ современному естествознанію, къ теоріямъ такъ назыв. младшихъ фізіологовъ и особенно къ великой системѣ Демокрита. Такимъ же образомъ разъясняются, наконецъ, и затрудненія, обнаруживающіяся въ собственномъ ученіи и грозяція разсѣять послѣдователей по различнымъ направленіямъ.

Однако все это производится у Платона не въ

формѣ спокойнаго изслѣдованія, указанія на факты и неприкрашеннаго изложенія, чего требуемъ мы и въ чемъ со времени Аристотеля привыкли видѣть признаки научности, но въ художественной формѣ идеализирующей поэзи. Простѣйшимъ средствомъ здѣсь достигается величайшій успѣхъ. Платонъ переноситъ то, что онъ самъ переживаетъ въ своемъ духовномъ развитіи, въ эпоху и въ кругъ Сократа; борьба, которую онъ самъ ведетъ, работа его самого и его друзей въ діалогахъ какъ будто ведется Сократомъ и его товарищами; эти событія теряютъ такимъ образомъ свою дѣйствительную, эмпирическую опредѣленность и получаютъ общее, типическое значеніе.

Поэтому повѣствовательную часть платоновыхъ діалоговъ нельзя разсматривать ни какъ рассказы о дѣйствительныхъ событіяхъ, ни какъ совершенныя выдумки. Они служатъ характернымъ примѣромъ того смѣшенія фактовъ и вымысловъ, истинныхъ событій и мифовъ, которое свойственно всякому греческому повѣствованію. Это относится прежде всего къ тѣмъ спенамъ, которыя положены въ основу отдѣльныхъ діалоговъ. Онѣ исторически возможны, но мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобы считать ихъ дѣйствительно историческими. Когда описывается, напримѣръ, встрѣча престарѣлаго Парменида съ еще совсемъ юнымъ Сократомъ, то это не противорѣчитъ извѣстнымъ изъ другихъ источниковъ хронологическимъ даннымъ, но въ то же время это никакими другими источниками не засвидѣтельствовано какъ историческій фактъ. Иногда Платонъ, повидимому, не отступалъ и передъ анахронизмами; для него точность историческихъ отношеній имѣла, очевидно, меньшую цѣну, чѣмъ истинность въ связи мыслей. Поэтому надо быть очень осторожнымъ въ эмпирическомъ истолкованіи почерпаемыхъ у него свѣдѣній. Если онъ — беру наиболѣе извѣстный примѣръ — въ «Федонѣ» заставляетъ Сократа разсказывать о своемъ первомъ знакомствѣ съ уче-

ніемъ Анаксагора, о томъ, какъ онъ частью одобрялъ, частью же находилъ недостаточнымъ это ученіе, то здѣсь сообщается не о ходѣ развитія Сократа, или Платона, или греческой философіи вообще; здѣсь излагаются мотивы, на основаніи которыхъ надлежало включить телеологическій принципъ Анаксагора въ ученіе объ идеяхъ, и указываются тѣ границы, въ которыхъ это слѣдовало сдѣлать.

Сценическій фонъ діалоговъ очень различенъ по своей ясности. Въ «Протагорѣ», въ «Пирѣ», въ «Федонѣ» онъ достигаетъ высшей степени пластической жизненности: живое, полное драматическаго интереса дѣйствіе разыгрывается между тонко и отчетливо охарактеризованными лицами. Въ другихъ произведеніяхъ, какъ въ «Феатетѣ» и «Филебѣ», діалогъ сведенъ къ схематическому однообразію; и между этими противоположностями находится множество переходныхъ ступеней. Характеръ каждаго произведенія обусловленъ, очевидно, въ большей мѣрѣ его содержаніемъ и цѣлью, нежели временемъ его написанія. «Протагоръ» и «Федонъ» отдѣлены другъ отъ друга десятками лѣтъ, и въ то время какъ нѣкоторые изъ наиболѣе раннихъ діалоговъ, напримѣръ «Эвтифронъ», лишь слабо обрамлены въ сценическомъ отношеніи, произведеніе глубокой старости, «Законы», съ вѣшной стороны не лишено извѣстной прелести.

Особый приемъ Платона заключается въ томъ, что онъ часто вставляетъ тотъ діалогъ, въ которомъ развивается главная мысль, въ другой, или вставляетъ въ уста одного изъ разговаривающихъ пересказъ другого разговора. Такъ переплетеніемъ діалоговъ въ «Федонѣ» или разсказомъ Сократа о своемъ разговорѣ съ Диотимой въ «Пирѣ» онъ достигаетъ удивительныхъ результатовъ.

Главнымъ же средствомъ для характеристики людей, отношеній и мыслей служитъ у Платона его несравненное господство надъ языкомъ. Онъ свободно и могущественно владѣетъ всѣми оттенками

выраженія: отъ возвышенной тонкости отвлеченной мысли до грубой рѣзкости чувственной страсти, отъ высокаго пагоса воодушевленія и умѣнья отдаваться, отъ безпристрастнаго сужденія до насмѣшливой ироніи и бичующей сатиры, отъ высотъ идеала до низменныхъ повседневныхъ потребностей—для каждаго движенія человѣческой души онъ умѣетъ найти соотвѣтствующее выраженіе. Охотнѣе всего характеризуетъ онъ лица своихъ діалоговъ тѣмъ, что придаетъ имъ то типичную, то индивидуальную манеру говорить, и въ «Ширѣ» онъ довелъ это искусство до высшей степени. Правда, въ данномъ отношеніи намъ часто приходится больше догадываться о его мастерствѣ и чувствовать его, нежели понимать; потому что сценическая сторона діалоговъ, несомнѣнно, содержитъ много намековъ либо на лица и отношенія, еще знакомыя его современникамъ, либо на людей изъ окружающей его среды и на факты, взятые изъ нея, которые онъ изображаетъ подъ этой оболочкой. Въ этомъ заключалась для его читателей пріяность его сочиненій, которую они для насъ большей частью утратили.

Но характеристика всѣхъ этихъ частей проницательна прелестью тонкаго духовнаго общенія; основнымъ тономъ разговоровъ служить идеальная вѣжливость, придающая даже самымъ рѣзкимъ противорѣчіямъ форму мягкой любезности. Съ удивительной идеализаціей настоящей разговорной рѣчи утвержденія смѣняются возраженіями; нѣтъ недостатка въ свободныхъ и смѣлыхъ оборотахъ, въ уклоненіяхъ отъ главной темы, въ неожиданныхъ переходахъ; начатая фраза беззаботно прерывается встѣдствіе живости новой мысли, вдругъ пришедшей въ голову. Затѣмъ изложеніе снова получаетъ возвышенную, замкнутую форму: гармонически стройной является окрѣпшая мысль, и съ могучею силой льется священное убѣжденіе; оно разбиваетъ всѣ преграды и въ концѣ-концовъ обращаетъ бѣшущую мысль въ ясное и спокойное созерцаніе.

Этого обаянія Платоновой рѣчи нельзя описать, его надо испытать. Это — кристаллическая форма для высшаго содержанія, «дымка поэзіи, даваемая истиной».

Историческій взглядъ на произведенія Платона былъ бы понятенъ самъ собою, если бы источники давали намъ хотя сколько нибудь достовѣрныя свѣдѣнія относительно времени, когда было написано каждое изъ нихъ, и тѣмъ самымъ относительно ихъ послѣдовательнаго порядка. Но мы такъ-же мало обладаемъ этими свѣдѣніями, какъ и увѣренностью въ подлинности сочиненій, дошедшихъ до насъ подъ именемъ Платоновскихъ. Несмотря на всѣ усилія изслѣдователей, уже давно обратившихся къ этимъ вопросамъ, мы въ обоихъ случаяхъ, повидимому, навсегда оставемся въ области догадокъ, среди которыхъ лишь небольшое сравнительно мѣсто занимаютъ твердо установленные факты. Легковѣріе, съ которымъ прежде полагались на традицію, въ нашемъ столѣтіи смѣнилось разумной осторожностью, подчасъ даже преувеличеннымъ недоверіемъ, и изслѣдованіе только постепенно находить правильный путь между этими двумя крайностями.

Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы изъ литературныхъ произведеній Платона было утрачено что нибудь важное, какъ утрачено, къ сожалѣнію, столь многое изъ сочиненій Демокрита, а также и Аристотеля; но въ то-же время не подлежитъ сомнѣнію, что въ собраніе сочиненій Платона, очень небрежно составленное древними издателями, вкралось много явно неподлиннаго, въ томъ числѣ незначительныя ученическія работы и даже нѣкоторые опыты противниковъ: — критическая добросовѣстность была чужда древнему преданію. За то цитаты Аристотеля даютъ намъ руководящую нить, при помощи которой мы съ полной

увѣренностью или съ величайшей вѣроятностью можемъ признать рядъ діалоговъ подлинными произведениями Платона; относительно другихъ намъ приходится, опираясь уже на эту основу, рѣшать главнымъ образомъ по существу вопросъ объ ихъ подлинности.

Еще болѣе спорнымъ является вопросъ о послѣдовательномъ порядкѣ и времени написанія отдѣльныхъ діалоговъ. Изъ внѣшнихъ признаковъ, т. е. изъ упоминаемыхъ въ нихъ историческихъ событий или условій, хронологія которыхъ вполнѣ установлена другимъ путемъ, нельзя дѣлать никакихъ точныхъ выводовъ; и если во многихъ случаяхъ кажется, что такія указанія опредѣляютъ по крайней мѣрѣ время, раньше котораго не могло быть написано данное произведение, то и этотъ критерій становится шаткимъ въ силу слѣдующаго соображенія: есть признаки, указывающіе, что какъ «Государство», гдѣ это нужно считать несомнѣннымъ, такъ, быть можетъ, и нѣкоторые другіе діалоги получили ту форму, въ которой они дошли до насъ, лишь при переработкѣ ихъ (мы теперь сказали бы: во второмъ изданіи). Вслѣдствіе этой шаткости внѣшнихъ критеріевъ передъ нами оказывается трудная задача: мы должны устанавливать послѣдовательный порядокъ сочиненій философа, основываясь на его духовномъ развитіи и на внутренней связи его ученія; съ другой стороны, развитіе философа и его ученія мы знаемъ только изъ этихъ же сочиненій. Поэтому приходится, руководствуясь извѣстными основами платоновой философіи и принимая во вниманіе ея историческіе результаты, возстановлять посредствомъ соображеній внутренняго характера процессъ развитія философа и, тѣмъ самымъ, послѣдовательный порядокъ произведеній, въ которыхъ выразился этотъ процессъ. Такимъ образомъ намъ приходится ограничиться попыткой гипотетически пройти это развитіе по источникамъ.

Мало пользы можно, повидимому, ожидать и отъ новѣйшаго метода, которымъ стала пользоваться наука въ этомъ вопросѣ. Дѣлаются попытки посредствомъ точныхъ наблюденій и статистическаго сопоставленія извѣстныхъ особенностей рѣчи опредѣлить время написанія отдѣльныхъ сочиненій или, какъ въ «Государствѣ», ихъ частей. Прежде всего обратили вниманіе на употребленіе отдѣльныхъ оборотовъ, на форму отвѣтовъ, на манеру соглашаться съ утвержденіемъ или опроверженіемъ. Но и здѣсь оказывается, что внѣшнюю сторону рѣчи никогда нельзя разсматривать изолированно; ее слѣдуетъ всегда приводить въ связь съ внутреннимъ содержаніемъ діалоговъ и особенно съ свойствами той личности, которую писатель характеризуетъ даннымъ выраженіемъ. Плодомъ подобныхъ глубокихъ изысканій до сихъ поръ было въ лучшемъ случаѣ подтвержденіе хронологическихъ данныхъ относительно нѣкоторыхъ произведеній — данныхъ, которыя и до того изъ соображеній внутренняго характера уже не подлежали сомнѣнію.

Основываясь на томъ, что въ настоящее время установлено наукой въ этой области, можно раздѣлить произведенія Платона, исключивъ несомнѣнно подложныя, приблизительно на слѣдующія группы.

1. Юношескія произведенія.

Эти произведенія иногда называли сократовскими, потому что ихъ содержаніе, насколько мы можемъ судить, вполнѣ соответствуетъ возрѣніямъ Сократа и нигдѣ не выходитъ замѣтнымъ образомъ за ихъ предѣлы. Это — изслѣдованія относительно различныхъ добродѣтелей, сводящіяся къ тому, что всякая добродѣтель въ концѣ-концовъ основана на знаніи. Такъ «Лахетъ» трактуетъ о храбрости, «Хармидъ» объ осмотрительности, «Эвтифронъ» о благочестіи; такъ въ «Гипіи Младшемъ» изслѣдуется вопросъ о различной цѣнности сознательныхъ и бессознательныхъ поступковъ, хоро-

шихъ или дурныхъ, — вопросъ, который впоследствии, въ болѣе широкой постановкѣ, разсматривается въ «Протагорѣ»; такъ въ самомъ изящномъ изъ этихъ раннихъ діалоговъ, занимательномъ съ сценической стороны и отличающемся многими тонкими чертами, въ «Лисии», любовныя и дружескія отношенія получаютъ болѣе глубокой смыслъ общности жизни. Изъ относящихся сюда же діалоговъ сомнительна подлинность «Гиппиевъ», невѣроятно подлинность «Алкивиада I».

Написаны ли нѣкоторые изъ этихъ діалоговъ, какъ утверждаетъ античная традиція, еще при жизни Сократа, — этотъ вопросъ остается открытымъ; это не невозможно, но сомнительно. Предположеніе, что эти первыя произведенія написаны во время пребывания въ Мегарѣ, ничто не противорѣчитъ; во всякомъ случаѣ нельзя думать, что они написаны многимъ позднѣе.

Къ нимъ же слѣдуетъ, наконецъ, причислить и «Апологію Сократа» и «Критона», хотя неизвѣстно, написаны ли они непосредственно послѣ смерти мудреца или позднѣе, быть можетъ даже по возвращеніи Платона въ Аѣны, когда литературный споръ относительно Сократа и его осужденія былъ въ полномъ разгарѣ. Во всякомъ случаѣ они выдержаны въ чисто сократовскомъ духѣ, хотя и нельзя видѣть дословной передачи ни въ обѣихъ рѣчахъ, которыя Сократъ будто бы произнесъ во время своего процесса, ни въ переговорахъ, которые онъ велъ съ Критономъ въ тюрьмѣ. Въ «Апологіи» Сократъ является съ безстрашнымъ сознаниемъ своей невинности и съ чистой совѣстью, говорящей ему, что онъ посвятилъ жизнь истинному благу своихъ согражданъ, но онъ является тамъ и не безъ оттѣнка доктринерской гордости за свою добродѣтель; въ «Критонѣ» онъ съ непоколебимой вѣрностью законамъ и подавляющимъ величіемъ отвергаетъ планъ бѣгства, который предлагаютъ ему друзья. Быть можетъ, къ этимъ же апологети-

ческимъ произведеніямъ принадлежитъ и упомянутый «Эвтифронъ», изображающій человека, осужденнаго за нечестивость, учителемъ истиннаго благочестія.

2. Сочиненія, направленные противъ софистики.

Эти произведенія написаны, вѣроятно, во время пребывания философа въ Аѣнахъ передъ его первымъ сицилійскимъ путешествіемъ; они содержатъ критику софистическихъ доктринъ и носятъ преимущественно полемическій характеръ, вслѣдствіе чего положительныя мысли самого философа, которыя лишь намѣчаются здѣсь еще въ неопредѣленныхъ чертахъ, можно скорѣе угадывать, чѣмъ дѣйствительно узнавать. Это — образцы полемическаго искусства, въ которыхъ мы находимъ всѣ оттѣнки настроенія, отъ могучаго пафоса и суровой серьезности до зазорной сатиры и ѣдкой насмѣшки.

Прелестно сочетаются эти противоположности въ наиболѣе удавшемся эстетическомъ отношеніи изъ этихъ діалоговъ, въ «Протагорѣ». Въ домѣ богатаго аѣнина встрѣчаются знаменитые странствующие учителя и обнаруживаютъ передъ увлеченными слушателями свои преимущества и свои слабости; на этомъ живомъ фонѣ, одухотворенномъ до мельчайшихъ подробностей, разыгрывается словесный поединокъ между Сократомъ и Протагоромъ, которые спорятъ о томъ, можно ли учить добродѣтели или порядочности. При помощи тонкихъ диалектическихъ приемовъ обѣ величины постепенно мѣняются мѣстами; мы видимъ передъ собою борьбу двухъ героевъ, въ которой Сократъ далеко не всегда оказывается побѣдителемъ. И мы покидаемъ поле битвы съ убѣжденіемъ, что тотъ, кто описалъ этотъ поединокъ, призванъ превзойти обоихъ борцовъ.

Въ «Горгіи» чувствуется гораздо болѣе серьезный духъ. На этого виртуоза цвѣтистаго красно-

рѣчя, который съ равнодушiемъ нигилиста чуждался и чурался всякой научности, Платонъ обрушивается со всей страстностью и священнымъ жаромъ убѣжденiя, пуская въ ходъ все свое оружіе. Съ едва скрытымъ пыломъ высказывается здѣсь желаніе и надежда при помощи познанiя исправить и обратить міръ, развить науку и изъ нея создать политическое искусство; здѣсь начинается выступать и религиозный отбѣнокъ этихъ убѣжденiй. Въ отвѣтъ на ученіе о земныхъ радостяхъ раздается голосъ, возвѣщающій высшее назначеніе человѣка, указывающій ему его истинное благо. Въ ученикѣ софистовъ, Калликлѣ, крупными, увѣренными штрихами очерчивается вѣтренный сверхъ-человѣкъ, не признающій никакихъ иныхъ законовъ, кромѣ свсахъ животныхъ влеченiй, и ему противопоставляется юношескій идеализмъ, рисующій нравственно-религиозную реформу государственной жизни на научной основѣ.

Къ «Горгію» лучше всего примыкаетъ «Менонъ». Здѣсь Платонъ въ менѣ возбужденномъ тонѣ возвращается къ вопросу, который онъ изслѣдовалъ въ «Протагорѣ», къ вопросу о возможности обучать добродѣтели; и здѣсь, переходя на теоретическую почву, онъ путемъ математическихъ разсужденiй намѣчаетъ свои, носящіе нѣсколько мнѣищескій характеръ, взгляды на сущность познанiя. Если этимъ онъ съ одной стороны напоминаетъ фантастическіе рассказы въ «Горгіи», то съ другой — это служитъ переходомъ къ критическимъ изслѣдованiямъ «Феэтета».

Въ болѣе веселомъ тонѣ написаны «Эвтидемъ» и «Кратилъ». Въ первомъ изъ этихъ диалоговъ жестоко осмѣивается искусство спорщиковъ-софистовъ, при помощи котораго они умѣли хитрыми оборотами еще невыработанной рѣчи смутить и запутать наивнаго грека; второй диалогъ содержитъ насмѣшку надъ теоретическими изысканiями въ области философіи языка, посвященными вопросу о

томъ, является ли связь между словомъ и его значеніемъ результатомъ внутренняго сродства или плодомъ произвольной условности. Въ обоихъ случаяхъ формально побѣждаетъ Сократъ-Платонъ, но при этомъ онъ самъ такъ широко пользуется удивительными приѣмами своихъ противниковъ, что трудно разобрать, гдѣ въ этой бѣшеной пляскѣ словъ кончается шутка и начинается серьезное отношеніе къ дѣлу; это равно относится къ ложнымъ заключенiямъ въ «Эвтидемѣ» и къ этимологическимъ изысканiямъ въ «Кратилѣ». При этомъ въ обоихъ диалогахъ встрѣчаются кое-гдѣ намеки, заставляющіе предполагать въ читателяхъ уже нѣкоторое знакомство съ основами платонова ученiя объ идеяхъ — знакомство, которое, весьма вѣроятно, ограничивалось тѣми свѣдѣнiями, какія Платонъ устно сообщалъ кружку своихъ друзей, еще не получившему въ то время замкнутого характера школы.

Полемическимъ по существу является, наконецъ, и «Феэтетъ», съ научной стороны самый значительный изъ этихъ диалоговъ; начатый, быть можетъ, еще въ Афинахъ, онъ написанъ, повидимому, во время сицилійскаго путешествiя. Здѣсь сознательно измѣнена внѣшняя форма, и дѣлается попытка поступиться эстетической оболочкой въ пользу научности изслѣдованiя. Этотъ диалогъ содержитъ систематическій разборъ гносеологическихъ теорій, которыя засталъ Платонъ, въ особенности взглядовъ Протагора и Антисеена. При этомъ, въ злобномъ отказѣ отъ участiя въ политикѣ, сказывается поворотъ автора въ сторону чисто научной дѣятельности; причину этого отказа объясняетъ намъ полное горечи описаніе тирана и его льстецовъ. Въ связи съ внѣшними данными это заставляетъ предполагать, что въ «Феэтетѣ» выразилось то душевное состояніе Платона, въ которомъ онъ находился, когда послѣ своей неудачи въ Сиракузахъ вернулся на родину и ограничилъ свою дѣятельность научнымъ преподаваніемъ.

Изъ произведеній, которыя приписываются Платону, но подлинность которыхъ сомнительна, къ этой группѣ принадлежитъ «Гиппій Старшій»; здѣсь на вопросѣ о красотѣ выясняется, какъ неспособны были софисты, со своимъ пристрастіемъ къ частному и относительному, создавать прочныя понятія, и этотъ діалогъ можно было бы разсматривать какъ отрицательную подготовку къ «Пиру», если бы его изложеніе не казалось такимъ ученическимъ.

3. Сочиненія, относящіяся къ періоду расцвѣта.

Первое мѣсто здѣсь занимаетъ «Фэдръ», въ которомъ разъясняется подчеркнутая уже въ «Феэтетѣ» противоположность между «хорошъ философовъ» и ораторскими школами. Въ тѣни платановъ читается эротическая рѣчь Лисія, и на нее Сократъ отвѣчаетъ своей рѣчью, въ которой переходитъ къ восторженному прославленію Эрота, представляющаго собой влеченіе къ философіи. Исходя изъ религиозныхъ воззрѣній, онъ описываетъ существо и судьбу человѣческой души, ея пареніе и колебанія между небеснымъ жилищемъ вѣчнаго и тѣлеснымъ земнымъ міромъ; въ ея стремленіи къ невидимому заключается истинная «любовь», сокровеннѣйшая сущность философіи, и потому устное общеніе является подлинной философской дѣятельностью. Едва ли можно сомнѣваться, что этотъ діалогъ служитъ литературнымъ прологомъ для вновь основанной Академіи; политическіе идеалы отступаютъ здѣсь на задній планъ, и именно ораторскимъ школамъ, имѣющимъ политическій оттѣнокъ, противопоставляется созданіе Платона какъ община, стремящаяся къ высшей, научной жизни и находящаяся поэтому подъ священнымъ вліяніемъ религиозныхъ убѣжденій.

Идеальнымъ продолженіемъ «Фэдра» служитъ

«Пиръ». Это—кульминаціонный пунктъ въ эстетическомъ развитіи платоновой личности, величайшее изъ его художественныхъ произведеній, несравненная картина благороднѣйшаго общенія. На какомъ-то пиршествѣ Сократъ встрѣчается съ нѣсколькими духовными свѣтилами Аѳинъ; за веселой трапезой и шутливой бесѣдой принимается рѣшеніе, чтобы каждый по очереди произнесъ рѣчь въ честь Эрота; софистъ, врачъ, комикъ (Аристофанъ) и трагикъ (Агаѳонъ) пробуютъ свои силы на этомъ поприщѣ, и каждый изъ нихъ, со своими взглядами, своей рѣчью и своей манерой изображать что-либо, обрисованъ съ поразительнымъ юморомъ; наконецъ, очередь доходитъ до Сократа, и онъ вкладываетъ самыя сокровенныя мотивы платоновой философіи въ уста жрицы Діотимы. Эротъ является жизненнымъ импульсомъ вселенной; онъ—тотъ всемогущій демонъ, благодаря которому все смертное и преходящее стремится къ вѣчному и неизмѣнному; онъ—влеченіе философа, возносящагося къ чистому міру идей. Едва Сократъ успѣваетъ кончить, какъ въ общество врывается хмѣльной Алкивіадъ; шаловливыя шутки переходятъ у него въ хвалебную рѣчь Сократу (это мѣсто — перлъ художественнаго творчества); произнося свою рѣчь онъ самъ отрезвляется, и мудрецъ является у него воплощеніемъ того высшаго любовнаго искусства, которое онъ передъ тѣмъ изложилъ, какъ откровеніе Діотимы,—образомъ бога подъ оболочкой силена.

Къ той же области мысли, что и «Фэдръ» и «Пиръ», изъ меньшихъ, не вполне достоверныхъ, діалоговъ относятся «Менексень» и «Іонъ»; въ послѣднемъ особенно интересно изслѣдованіе относительно родственности и различія между наукой и поэзіей.

Однако осторожность, съ которою глава Академіи на первыхъ порахъ ограничивалъ свою литературную дѣятельность поэтически идеализированнымъ изложеніемъ научныхъ и религиозныхъ док-

тринъ, не мѣшала ему развивать свою социальную-политическую теорію. Мы должны, напротивъ, предположить, что въ это же время, первоначально, быть можетъ, только въ школьномъ кругу, вырабатывался проектъ идеальнаго государства, послужившій остономъ для великаго творенія Платона, для «Государства» («Республики»).

Правда, это обширнѣйшее изъ законченныхъ произведеній Платона возбуждаетъ и въ высшей степени трудный вопросъ. Безпристрастно разсматривая его, нельзя сомнѣваться, что о заранѣ составленномъ, цѣльномъ планѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи; напротивъ, отдѣльныя части, очевидно, возникли въ разное время, и на нихъ ясно отражаются различія въ развитіи ихъ автора; въ особенности мѣста, написанныя позднѣе, содержатъ отрывки, несомнѣнно служащіе возраженіями на тѣ замѣчанія, которыя вызвало болѣе раннее изложеніе. Эти составныя части въ концѣ-концовъ съ большимъ искусствомъ были приведены къ формальному единству, которое доставляетъ изслѣдователямъ много головоломной работы. Проще всего принять раздѣленіе на слѣдующія три главныя серіи:

а) Первая книга «Государства» начинается живымъ драматическимъ дѣйствіемъ и представляетъ собою діалогъ о справедливости, который, какъ и прочіе сократовскіе діалоги о добродѣтеляхъ, не приводитъ ни къ какому существенному результату, но заканчивается очень эффектнымъ образомъ; къ этому примыкаетъ въ первой половинѣ второй книги, служа какъ бы переходомъ, софистическая рѣчь въ похвалу несправедливости, причемъ здѣсь мѣняются собесѣдники Сократа. Многочисленные частныя отголоски и общій тонъ изложенія заставляютъ отнести эту часть приблизительно ко времени написанія «Протагора» и «Горгія».

б) Въ серединѣ второй книги Сократъ начинаетъ съ новыми лицами діалогъ, содержаніемъ котораго

служить устройство идеальнаго государства. Описаніе послѣдняго простирается до конца четвертой книги. Философскимъ фономъ этого описанія служатъ доктрины о положеніи души между міромъ идей и міромъ явленій, извѣстныя намъ изъ «Фэдра» и «Пира». Къ тому же времени, что и эти діалоги, слѣдуетъ, такимъ образомъ, отнести проектъ идеальнаго государства, а также послѣднія три книги «Государства» (8 — 10), въ которыхъ проводятся сходныя по существу взгляды. Эти книги содержатъ прежде всего блестящее описаніе четырехъ ложныхъ формъ государственнаго устройства и соответствующихъ имъ типовъ личныхъ характеровъ, и затѣмъ — заключеніе всего произведенія, гдѣ трактуется о цѣльности «справедливости» въ земной и въ загробной жизни. Если, такимъ образомъ, послѣднія книги въ общемъ принадлежатъ къ средней серіи, то въ нихъ все-таки содержится не только одна большая, позднѣе вставленная часть (первая половина десятой книги), въ которой дѣлается попытка снова оправдать отрицательное отношеніе къ поэзіи, но и много мелкихъ ссылокъ и намековъ, указывающихъ на позднѣйшія, родственныя третьей серіи «Республики» произведенія Платона, какъ «Федонъ» и «Филебъ». Намъ приходится предположить, что эти мѣста при окончательной отдѣлкѣ были переработаны самимъ философомъ.

в) Послѣдними написаны пятая, шестая и седьмая книги «Государства». Характеръ этой части, какъ позднѣйшаго добавленія, ясно сказывается въ томъ, что она начинается оправданіемъ и болѣе подробнымъ изложеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ идеальнаго строя, прежде всего оправданіемъ общности женъ; и если это изложеніе въ пятой книгѣ еще не идетъ въ разрѣзъ съ общими взглядами, проводимыми въ средней серіи, то уклоненіе отъ нихъ тѣмъ болѣе рѣзко выражено въ подробномъ планѣ научнаго воспитанія, которому посвящены шестая и седьмая книги. Здѣсь мы находимся все-

цѣло въ той метафизической атмосферѣ, которую проникнуты «Филебъ» и «Тимей».

Такимъ образомъ, намъ приходится предположить, что «Государство» писалось втеченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, и что на немъ отразились тѣ глубокіе перевороты, которымъ за это время подвергалось въ области метафизики мышленіе философа.

Въ промежуткѣ между вторымъ и третьимъ словомъ Республики, или между «Пиромъ» и «Федономъ» мы находимъ три большихъ, глубокихъ по мысли діалога, которые вызываютъ такой же трудный вопросъ, хотя въ другомъ родѣ, какъ и «Государство». Изъ всѣхъ діалоговъ, подлинность которыхъ оспаривается, это — наиболѣе важныя. Они озаглавлены: «Софистъ», «Политикъ», «Парменидъ». Тѣсная связь этихъ трехъ произведеній между собой и ихъ принадлежность къ циклу развитія платоновой философіи совершенно очевидны; уже по внѣшнему построению, гдѣ руководителемъ разговора является не Сократъ, но въ одномъ случаѣ великій элеецъ Парменидъ, въ двухъ другихъ—пріѣзжій гость изъ Элеи, они устанавливають близкія отношенія къ элейской діалектикѣ и метафизикѣ. Въ нихъ разбираются труднѣйшіе и отчасти отвлеченнѣйшіе вопросы. «Софистъ» и «Политикъ» по своей одинаково блѣдной сценической обстановкѣ примыкають внѣшнимъ образомъ къ «Федотету» Платона; ихъ задача — установить понятія софиста, государственнаго дѣятеля и философа. Но выполнены только первыя двѣ части этой задачи, потому что «Парменидъ» не можетъ въ данномъ смыслѣ замѣнить недостающаго третьяго діалога «Философъ». Отъ опредѣленій, установленныхъ по очень странному методу, «Софистъ» переходитъ къ критикѣ метафизическихъ системъ, причемъ платоново ученіе объ идеяхъ противопоставляется сенсуалистическому материализму (циниковъ или младшихъ натурфилософовъ); затѣмъ здѣсь рассматри-

вается вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ мыслить принципъ бытія, чтобы понять процессы совершенія. Въ «Политикѣ» выводится изъ мнѣической оболочки царственное искусство управленія государствомъ и развивается ученіе о различныхъ видахъ государственнаго устройства; здѣсь, правда, есть нѣкоторое сходство съ мыслями платонова «Государства», но нѣтъ ни малѣйшаго отношенія къ понятіямъ, положеннымъ въ его основу, къ его особеннымъ формамъ и требованіямъ. Наконецъ, въ «Парменидѣ» изслѣдованіе гносеологическихъ и метафизическихъ трудностей платонова ученія объ идеяхъ переходитъ въ остроумную, но безплодную діалектику, посвященную разсмотрѣнію проблемъ элейцевъ объ единственности и множественности, бытіи и небытіи.

При этомъ во всѣхъ трехъ діалогахъ блескъ языка, серьезность духовнаго склада, глубина мыслей и отчасти также искусство изложенія такъ поразительно напоминають Платона, что трудно считать когонибудь другого, неизвѣстнаго, ихъ авторомъ. Однако есть всѣскія соображенія, заставляющія сомнѣваться въ томъ, принадлежатъ ли эти произведенія перу Платона. Мы должны приписать ему очень много добродушія, чтобы съчесть критикой на самого себя ту рѣзкую критику, которой подвергается его ученіе объ идеяхъ—ибо о немъ только и можетъ быть рѣчь—въ «Софистѣ» и въ «Парменидѣ», въ послѣднемъ даже съ презрительной насмѣшкой. Трудно также представить себѣ, въ какое время авторъ «Государства» и «Законовъ» могъ писать еще и третье политико-философское произведеніе, въ которомъ онъ нисколько не считался бы со своеобразными доктринами первыхъ двухъ діалоговъ и держался бы совершенно иныхъ политическихъ теорій. Наконецъ, всѣ три діалога отличаются отчасти педантическимъ, доктринерскимъ и очень неумѣло проведеннымъ схематизмомъ, какой не встрѣчается нигдѣ болѣе у Платона даже въ

сходной формѣ, но за то извѣстенъ какъ характерный признакъ элейской литературы.

На основаніи всего этого мы должны считать очень возможнымъ, что эти три діалога все-таки написаны не Платономъ, но вышли изъ подъ пера людей, прошедшихъ школу элейцевъ. Такъ-же достоверно однако и то, что оба автора (потому что «Софистъ» и «Политикъ» навѣрное принадлежатъ одному и тому же лицу) были членами Академіи. Они совершенно освоились съ мыслями Платона, и его рѣчь и изложеніе имъ вполне знакомы.

Если, такимъ образомъ, эти діалоги и не написаны Платономъ, то они все-таки непременно должны быть включены въ собраніе его сочиненій. Съ одной стороны, мы узнаёмъ именно изъ содержащейся въ нихъ полемики кое-что важное относительно ученія объ идеяхъ, что не выражено ясно въ подлинно-платоновыхъ сочиненіяхъ и было высказано философомъ, можетъ быть, только устно; съ другой стороны, эти діалоги находятся въ связи съ развитіемъ Платона въ томъ смыслѣ, что заключенная въ нихъ критика его ученія объ идеяхъ дѣйствительно опредѣлила его дальнѣйшее развитіе метафизики. Разумѣется, развитіе это совершалось не въ томъ направленіи, которое указано въ «Софистѣ»; это направленіе скорѣе приближается къ аристотелевскому рѣшенію вопроса, какъ и направленіе, предлагаемое «Политикомъ»; но во всякомъ случаѣ оживленные споры, которые велись въ Академіи и отраженіемъ которыхъ являются эти три діалога, послужили для Платона толчками, приведшими его на высоту его метафизическаго мышленія.

4. Главныя произведенія метафизическаго характера.

Первое изъ нихъ — «Фэдонъ». Съ художественной стороны это произведеніе почти равно

«Пиру». Жизнерадостный и — радующійся смерти мудрецъ! Тамъ — пирующей побѣдитель, въ утреннемъ сумракѣ, когда все остальные погрузились въ сонъ, бодро отправляющійся, чтобы какъ всегда встрѣтить наступающій день, здѣсь — могучій старецъ, который, поговоривъ въ послѣдній разъ съ друзьями о высшихъ предѣлахъ и сокровеннѣйшей глубинѣ человѣческаго познанія, какъ бы въ торжественномъ весельи выпиваетъ свой кубокъ яду. Драматическая сторона и здѣсь вполне передаетъ соответствующее настроеніе: какъ раннимъ утромъ друзья приходятъ въ темницу, какъ они будятъ задремавшаго учителя, какъ завязывается и продолжается разговоръ, какъ приближается минута разлуки, какъ онъ наставляетъ и утѣшаетъ, какъ, полный спокойствія и надежды, онъ переходитъ въ лучший міръ...

Удивительно, что въ этомъ описаніи мученической смерти нѣтъ ни единой капли горечи противъ Аѣинъ и аѣинскаго суда, и это можно объяснить только протекшими десятилѣтіями. Здѣсь осталось только священное воспоминаніе о возвышенной концинѣ любимаго наставника.

Содержаніемъ разговора служатъ, какъ извѣстно, доказательства въ пользу безсмертія души; но, излагая ихъ, Платонъ въ рѣшающемъ пунктѣ вводитъ новый принципъ, по которому въ идеяхъ должно видѣть конечныя причины всей дѣйствительности, въ ихъ вѣчномъ бытіи — источникъ всего совершающагося; и могильному настроенію цѣлаго вполне соответствуетъ конецъ этихъ разсужденій — переходъ ихъ въ религіозныя ученія.

Поставленная такимъ образомъ метафизическая задача разрѣшается въ «Филебѣ», произведеніи, которое рядомъ съ «Феатетомъ» отличается наибольшей научностью и почти лишено ваѣшней художественной красоты. Въ немъ разсматривается занимающій всю греческую этику вопросъ о томъ, гдѣ слѣдуетъ искать «высшее благо» человѣка — въ удо-

волюта или въ знаніи. Но отвѣтъ на этотъ вопросъ дается лишь на крайнихъ высотахъ метафизики. Пониманіе цѣлесообразности всѣхъ сочетаній, встрѣчающихся во вселенной, приводитъ къ такому мировоззрѣнію, которое придаетъ болѣе глубокий научный смыслъ взглядамъ, выраженнымъ въ «Пирѣ», и сглаживаетъ, пересматривая ихъ, страстныя противоположности, характеризующія молодость Платона.

Этому воззрѣнію на міръ и на жизнь, какъ оно выражено въ «Филебѣ», соотвѣтствуютъ отличающіяся лишь болѣе живымъ изложеніемъ шестая и седьмая книги «Государства», въ которыхъ мы признали его позднѣйшую часть. И здѣсь «идея добра» разсматривается какъ божественное солнце, дающее всей дѣйствительности жизнь и движеніе.

Поэтому Платонъ могъ и на основаніи внѣшней формы присоединить, наконецъ, къ законченной «Республикѣ» тѣ два произведенія, въ которыхъ онъ хотѣлъ изобразить господство въ природѣ и въ исторіи божественной жизненной цѣли, — «Тимей» и «Критія». Изъ нихъ послѣдній остался только начатымъ отрывкомъ; его мнѣически-фантастическому плану, кажется, предстояло развиться въ философію исторіи, которая должна была показать, что проникнутая нравственно-религиознымъ духомъ община, какъ бы мала она ни была, имѣетъ перевѣсъ надъ грубой силой образовавшихся естественнымъ путемъ государствъ.

Напротивъ, «Тимей» принадлежитъ къ наиболѣе законченнымъ съ внѣшней стороны и имѣвшимъ наибольшее историческое значеніе произведеніямъ Платона. Въ немъ содержится его философія природы, и онъ служитъ доказательствомъ, что въ позднѣйшее время своей преподавательской дѣятельности философъ, примѣняясь, очевидно, къ потребностямъ и интересамъ своихъ учениковъ, тщательнѣйшимъ образомъ занимался современнымъ естествознаніемъ, которое до этихъ поръ, насколько

можно судить по его произведеніямъ, мало привлекало его вниманіе. Здѣсь старательно использованы доктрины младшихъ физиологовъ и въ особенности ученіе Демокрита. Но весь этотъ обширный матеріалъ, охватывающій даже и медицину, у Платона вплетается въ телеологическую теорію, которая не только основана на метафизическихъ доктринахъ, изложенныхъ въ «Филебѣ» и «Государствѣ», но и получила отъ послѣднихъ совершенно религиозный характеръ. «Тимей» содержитъ теологическое ученіе о божественномъ сотвореніи міра и объ его божественномъ управленіи, — и на этомъ основано его историческое значеніе.

5. «Законы».

Это — самое обширное и, несомнѣнно, позднѣйшее произведеніе Платона. Оно представляетъ собою такой неотдѣланный остовъ, что его подлинность долго вызывала сомнѣнія. Сохранившіяся двѣнадцать книгъ не связаны въ одно цѣлое; во многихъ мѣстахъ изложеніе рѣзко обрывается, и начинается совершенно новое разсужденіе; о планомѣрномъ расположеніи книгъ нѣтъ и рѣчи. Понемногу однако все это начинаетъ выясняться. Передъ нами множество набросковъ, найденныхъ въ оставшихся послѣ философа бумагахъ и очень неудачно соединенныхъ однимъ изъ его учениковъ (какъ говорили въ древности, Филиппомъ Опунтскимъ). Но и эти, большей частью незаконченные, наброски не составляли, какъ кажется, частей одного задуманнаго цѣлаго; это — перемѣшанные между собою отрывки двухъ системъ, посвященныхъ разработкѣ одного и того же предмета. Въ нихъ Платонъ пытался придать социальнo-политическимъ идеаламъ, выраженнымъ въ «Государствѣ», практическую форму, въ которой они казались бы осуществимыми при современныхъ условіяхъ греческой жизни. Это детальное

еольствию или въ знаніи. Но отвѣтъ на этотъ вопросъ дается лишь на крайнихъ высотахъ метафизики. Пониманіе цѣлесообразности всѣхъ сочетаній, встрѣчающихся во вселенной, приводитъ къ такому міровоззрѣнію, которое придаетъ болѣе глубокой научный смыслъ взглядамъ, выраженнымъ въ «Пиръ», и сглаживаетъ, пересматривая ихъ, страстныя противоположности, характеризующія молодость Платона.

Этому воззрѣнію на міръ и на жизнь, какъ оно выражено въ «Филебѣ», соотвѣтствуютъ отличающіяся лишь болѣе живымъ изложеніемъ шестая и седьмая книги «Государства», въ которыхъ мы признали его позднѣйшую часть. И здѣсь «идея добра» разсматривается какъ божественное солнце, дающее всей дѣйствительности жизнь и движеніе.

Поэтому Платонъ могъ и на основаніи внѣшней формы присоединить, наконецъ, къ законченной «Республикѣ» тѣ два произведенія, въ которыхъ онъ хотѣлъ изобразить господство въ природѣ и въ исторіи божественной жизненной цѣли, — «Тимей» и «Критія». Изъ нихъ послѣдній остался только началомъ отрывкомъ; его миенчески-фантастическому плану, кажется, предстояло развиться въ философію исторіи, которая должна была показать, что проникнутая нравственно-религиознымъ духомъ община, какъ бы мала она ни была, имѣетъ перевѣсъ надъ грубой силой образовавшихся естественнымъ путемъ государствъ.

Напротивъ, «Тимей» принадлежитъ къ наиболѣе законченнымъ съ внѣшней стороны и имѣвшимъ наибольшее историческое значеніе произведеніямъ Платона. Въ немъ содержится его философія природы, и онъ служитъ доказательствомъ, что въ позднѣйшее время своей преподавательской дѣятельности философъ, примѣняясь, очевидно, къ потребностямъ и интересамъ своихъ учениковъ, тщательнѣйшимъ образомъ занимался современнымъ естествознаніемъ, которое до этихъ поръ, насколько

можно судить по его произведеніямъ, мало привлекало его вниманіе. Здѣсь старательно использованы доктрины младшихъ физиологовъ и въ особенности ученіе Демокрита. Но весь этотъ обширный матеріалъ, охватывающій даже и медицину, у Платона вплетается въ телеологическую теорію, которая не только основана на метафизическихъ доктринахъ, изложенныхъ въ «Филебѣ» и «Государствѣ», но и получила отъ послѣднихъ совершенно религиозный характеръ. «Тимей» содержитъ теологическое ученіе о божественномъ сотвореніи міра и объ его божественномъ управленіи, — и на этомъ основано его историческое значеніе.

5. «Законы».

Это — самое обширное и, несомнѣнно, позднѣйшее произведеніе Платона. Оно представляетъ собою такой неотдѣланный остовъ, что его подлинность долго вызывала сомнѣнія. Сохранившіяся двѣнадцать книгъ не связаны въ одно цѣлое; во многихъ мѣстахъ изложеніе рѣзко обрывается, и начинается совершенно новое разсужденіе; о планомерномъ расположеніи книгъ нѣтъ и рѣчи. Понемногу однако все это начинаетъ выясняться. Передъ нами множество набросковъ, найденныхъ въ оставшихся послѣ философа бумагахъ и очень неудачно соединенныхъ однимъ изъ его учениковъ (какъ говорили въ древности, Филиппомъ Опунтскимъ). Но и эти, большей частью незаконченные, наброски не составляли, какъ кажется, частей одного задуманнаго цѣлаго; это — перемѣшанные между собою отрывки двухъ системъ, посвященныхъ разработкѣ одного и того же предмета. Въ нихъ Платонъ пытался придать социальнo-политическимъ идеаламъ, выраженнымъ въ «Государствѣ», практическую форму, въ которой они казались бы осуществимыми при современныхъ условіяхъ греческой жизни. Это детальное

описание исторической действительности дѣласть «Законы» очень цѣннымъ пособіемъ для изученія древности, а содержащіяся въ нихъ указанія на то, какъ относился Платонъ къ этой дѣйствительности, въ значительной степени пополняютъ наши свѣдѣнія о его наклонностяхъ; выводы же, которые можно сдѣлать изъ «Законовъ» относительно его теоретическаго ученія, въ общемъ очень незначительны. Исключеніемъ является въ этомъ отношеніи только десятая книга, содержащая законченное, необычайно ясно расположенное и строго выдержанное богословское разсужденіе полемическаго характера, страстный и энергическій тонъ котораго служитъ цѣннымъ свидѣтельствомъ духовной бодрости гениальнаго мыслителя.

IV. ФИЛОСОФЪ.

Какъ въ жизни, такъ и въ ученіи и въ сочиненіяхъ Платона мы видимъ единство его личности: въ ней соединяется множество стремленій, и она представляется благодаря этому связанною со всѣми духовными силами своего времени. Если мы попытаемся разграничить эти различныя отношенія ея и, тѣмъ самымъ, установить, что дѣлалъ Платонъ въ различныхъ областяхъ, то наше вниманіе прежде всего привлекутъ, разумѣется, его чисто научныя доктрины.

При этомъ уже бѣглый обзоръ его писательской дѣятельности заставляеть видѣть въ томъ, что мы называемъ его философскою системою, не застывшій и замкнутый въ себѣ, но внутренне измѣняющійся и развивающійся сводъ мыслей; благодаря этому-то онъ и могъ въ непрерывно увеличивающихся размѣрахъ воспринимать и религіозныя, и социальна-политическія тенденціи.

Центромъ того, что Платонъ создалъ въ области науки, онъ самъ всегда называлъ свое ученіе объ идеяхъ; поэтому изложеніе его философіи должно быть по существу исторіей ученія объ идеяхъ. Намъ придется показать, изъ какихъ мотивовъ и какихъ предпосылокъ возникло это ученіе, какъ оно развилось въ метафизическую доктрину, и какъ, наконецъ, произошло его внутреннее преобразование. Первоначально представляя собою логическую теорію, оно обратилось въ міровоззрѣніе и общій принципъ философской науки. Въ этомъ процессѣ заключается сущность платоновой философіи.